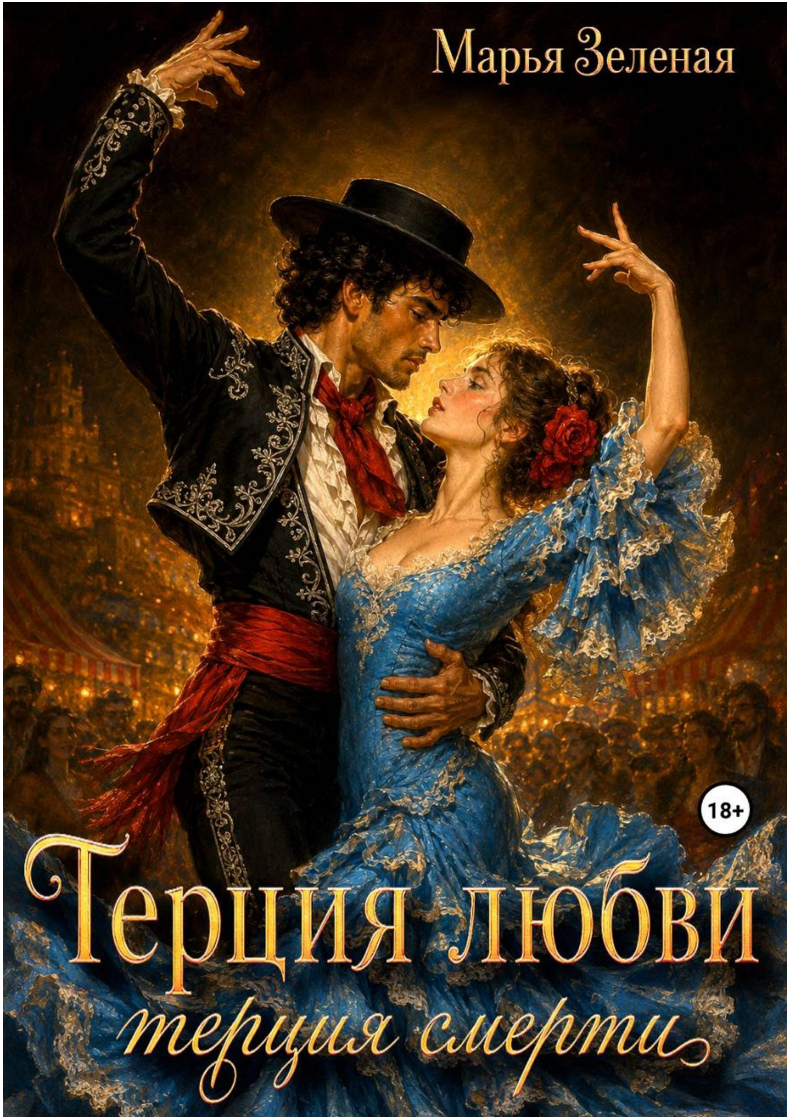

Марья Зеленая
18+
Терция любви
терция смерти

Марья Зеленая

Терция любви, терция смерти

https://litres.ru/74201627
SelfPub; 2026

Аннотация

Его наняли обольстить и опозорить замужнюю аристократку.

Но все пошло не так, когда он увидел ее сестру.

Скромная провинциалка Вероника всю жизнь оставалась в тени красавицы-сестры. Пока однажды на корриде на неё не взглянул сам Диего Торрес — тот, кого обожает вся Андалусия.

Она не знает, что за этим взглядом стоит холодный расчет: матадору заплатили, чтобы он разрушил брак Элены.

Но чувства, вспыхнувшие к Веронике, оказываются куда опаснее любого быка на арене.

Новые главы каждые 2-3 дня. БЕСПЛАТНО до конца выкладки.

Содержание

1. В тени сестры 4
2. Ла Маэстранса 21
3. Шелк и сталь 39
4. Триумф и тени 56
5. Сады, сплетни и приглашения 70
Конец ознакомительного фрагмента. 88

Марья Зеленая
Терция любви, терция смерти

1. В тени сестры

Севилья, 1861 г.

— Ты почти ничего не ешь, Вероника, — заметила мать. — С такими острыми плечами трудно рассчитывать на достойного жениха. Посмотри на свою сестру. Вот как должна выглядеть молодая женщина.

Вилка замерла в руке Вероники.

За длинным столом воцарилась неловкая тишина, лишь хрустальная подвеска люстры тихо звякнула от сквозняка. Вероника опустила взгляд на тарелку, будто перепелка в винном соусе могла заслонить ее от чужих взглядов.

Мать, разумеется, не сказала ничего нового. Сколько Вероника себя помнила, рядом всегда была Элена — старшая, прекрасная, безупречная. И любое сравнение между сестрами неизменно заканчивалось не в пользу Вероники.

— Оставь девочку, Консуэла, — вмешался отец. — Она только приехала в Севилью. Дай ей хотя бы освоиться.

— Я лишь беспокоюсь о ее будущем, — поджала губы до-

нья Консуэла. — Ей уже двадцать, а она все еще не замужем.

Будто Вероника могла забыть об этом хотя бы на день.

Она заставила себя поднять голову.

В особняке дона Алехандро все напоминало о том, насколько далеко Элена ушла от прежней жизни.

Белоснежная скатерть с золотой вышивкой, серебро, сверкающее в отблесках свечей. Слуга в безупречной ливрее, почтительно склонялся над гостями, подливая в бокалы рубиновое вино.

Сам дом больше походил на дворец: мраморные колонны, расписные потолки, мозаичные полы. Изящные мавританские арки и резные узоры придавали комнатам восточную роскошь, немыслимую в скромном поместье Дуарте.

Теперь среди всего этого жила ее сестра.

— Еще немного куропатки, Ве́ро? — спросила Элена.

Вероника встретилась с ней взглядом и невольно залюбовалась.

Высоко уложенные черные волосы Элены украшали изумрудные шпильки. Темно-зеленое платье из шелка и парчи подчеркивало гладкую кожу. На шее сияло золотое колье, на тонких пальцах — тяжелые перстни.

Другая женщина выглядела бы в таком наряде разряженной куклой. Элена же казалась рожденной для драгоценностей.

— Нет, благодарю, — ответила Вероника.

Дон Алехандро, сидевший во главе стола, поднял бокал.

— В таком случае выпьем за прекрасных сестер Дуарте! За мою несравненную Элену и очаровательную Веронику — две розы Андалусии!

Гости улыбнулись и потянулись к бокалам.

Вероника тоже улыбнулась — как полагалось благовоспитанной девушке. Но она видела, к кому на самом деле обращены восхищенные взгляды.

Две розы.

Только одна из них распустилась пышно и ярко, а вторую едва замечали в тени.

Дон Алехандро коснулся руки жены. Элена повернулась к нему, и между ними промелькнула та особенная улыбка, которой люди одаривают друг друга, когда на мгновение забывают об окружающих.

Вероника поспешно отпила вина.

Муж ее сестры воплощал все, о чем могла мечтать молодая женщина. Высокий, светловолосый, с безупречной осанкой и спокойными карими глазами, он принадлежал к одному из древнейших семейств Андалусии. Его предки сражались с маврами, служили при дворе и владели землями, названия которых занимали несколько строк в родословных книгах.

Однако дон Алехандро никогда не кичился своим положением. Его сдержанность выдавала человека, которому не приходилось доказывать собственное превосходство: оно подразумевалось само собой.

И этот человек смотрел на Элену так, будто она была самым драгоценным из всего, чем он владел.

Почему ей досталось все?

Красота. Богатство. Любовь.

А ведь их встреча произошла по чистой случайности. Вероника сама была рядом в тот день — четыре с половиной года назад, на проселочной дороге, ведущей к поместью Дуарте.

Они с Эленой возвращались от тетушки Исабель. Еще недавно светило солнце, но над холмами стремительно сгу-

щались тяжелые тучи. Ветер пригнул к земле траву, повеяло сыростью, и на пыль упали первые крупные капли.

— Нужно найти укрытие, — сказала Вероника, оглядываясь по сторонам.

До дома оставалось не меньше получаса, а вдоль дороги тянулись лишь поля и редкие оливковые деревья.

— Лучше поторопимся, — ответила Элена.

Она прижала к груди букет полевых цветов и прибавила шагу.

Из-за поворота показались двое всадников.

Первый ехал на великолепном вороном жеребце. Темно-синий сюртук превосходного кроя и плащ с серебряной отделкой выдавали в нем человека знатного и богатого. Следом на спокойной гнедой лошади держался мужчина постарше.

Заметив девушек, оба придержали коней.

Молодой всадник снял шляпу.

— Сеньориты, позвольте представиться. Алехандро Родригес де Сильва-и-Мендоса, к вашим услугам. А это мой управляющий, дон Луис. Боюсь, нас вот-вот настигнет гроза. Позвольте проводить вас до дома.

Вероника уже собиралась поблагодарить его, но Элена ответила первой:

— Вы очень любезны, сеньор, однако мы справимся сами. Наш дом совсем близко.

Небо словно решило опровергнуть ее слова.

Грянул гром, и дождь обрушился на дорогу плотной стеной. Через несколько мгновений платья сестер промокли, пыль под ногами превратилась в липкую грязь, а полевые цветы в руках Элены поникли.

Дон Алехандро спешился и, не раздумывая, накинул плащ ей на плечи.

— Теперь вы просто обязаны позволить мне проводить вас, сеньорита, — с обезоруживающей улыбкой произнес он. — Иначе я промокну до нитки и простужусь.

Дон Луис почтительно кашлянул, пряча улыбку.

Вероника посмотрела на сестру — и сразу поняла, что молодой аристократ уже пропал.

Даже под проливным дождем Элена была прекрасна. Намокшие черные пряди завивались у ее лица, на ресницах дрожали капли, щеки раскраснелись от быстрой ходьбы. Прижимая к груди растрепанный букет, она напоминала героиню старинной баллады.

Сама же Вероника ощущала, как ее волосы облепили голову, а подол платья тяжело прильнул к ногам.

«Я, наверное, похожа на мокрую курицу», — с горечью подумала она.

— Наше поместье действительно неподалеку, — смягчилась Элена. — Мы будем рады предложить вам укрытие от непогоды.

Дон Алехандро взял жеребца под уздцы и пошел рядом с ней. Уже через несколько минут они беседовали так непри-

нужденно, словно были давно знакомы.

Дон Луис предложил Веронике свой плащ.

Она отказалась. Какой в нем был смысл, если она уже промокла насквозь?

В поместье их встретила встревоженная донья Консуэла. Стоило ей услышать полное имя незнакомца, как тревога мгновенно уступила место радушию. В гостиную понесли полотенца, одеяла и горячий шоколад. Слуг отправили позаботиться о лошадях, а дон Алехандро получил лучшее кресло у камина.

Вероника устроилась в стороне и молча наблюдала.

Он не сводил глаз с Элены.

Элена, обычно сдержанная с незнакомцами, смеялась его шуткам, задавала вопросы и даже забыла снять с плеч его плащ. Полевые цветы лежали у нее на коленях, роняя капли на дорогую ткань.

Вероника видела, как меняется лицо сестры, когда Алехандро обращается к ней. Видела, как он наклоняется ближе, чтобы расслышать ее ответ.

И с болезненной ясностью понимала: на ее глазах начинается история, о которой девушки мечтают по ночам.

Через месяц дон Алехандро официально попросил руки Элены.

Спустя полгода они обвенчались в кафедральном соборе Севильи.

Вероника стояла возле сестры и смотрела, как та стано-

вится женой одного из самых завидных мужчин Андалусии. Элена сияла под белой кружевной мантильей, орган гремел под сводами собора, а на ступенях уже ждала карета, украшенная живыми цветами.

Вероника радовалась за нее. Правда радовалась.

Но глубоко внутри жила мысль, от которой она не могла избавиться все эти годы.

Окажись в тот день на дороге она одна, дон Алехандро все равно проводил бы ее до дома. Возможно, предложил бы плащ и выпил горячего шоколада в гостиной.

А на следующее утро уехал бы, даже не запомнив ее имени.

— А теперь, — голос Элены вырвал ее из воспоминаний, — думаю, пора пригласить малыша Карлоса поздороваться с бабушкой и дедушкой.

Она сделала знак служанке. Та вышла и вскоре вернулась в сопровождении сухопарой черноглазой женщины, ведущей за руку маленького темноволосого мальчика в изящном бархатном костюмчике.

— Карлитос, поздоровайся с бабушкой и дедушкой, — мягко произнесла нянька.

— Здластуйте, — пролепетал малыш, переминаясь с ноги на ногу и застенчиво поглядывая на гостей.

— Мой маленький ангел! — воскликнула донья Консуэла, раскрывая объятия.

Карлос, поначалу робея, подошел к бабушке, и та немед-

ленно осыпала его поцелуями.

— Ах, какой красавец! Вылитый отец, но глаза Элены! И какой смышленый, совсем большой! Фернандо, посмотри, как он вырос с нашего прошлого приезда!

Вероника с улыбкой наблюдала, как мать восторгается внуком. Карлос действительно был очаровательным ребенком — с темными кудряшками и блестящими как у олененка глазами. Сердце растаяло, когда малыш неуверенно улыбнулся ей, протягивая пухлую ручку.

И все же, сквозь искреннее умиление проступало знакомое чувство зависти, тонкой иглой пронзившее радость момента. У Элены было все — красота, богатство, прекрасный муж и очаровательный сын. А что оставалось Веронике? Лишь надежда когда-нибудь выйти замуж, да и то благодаря хлопотам сестры.

Дон Фернандо подхватил внука на руки и подбросил к потолку, вызвав у ребенка восторженный визг.

— Экий крепыш растет! Будет храбрецом, как дед и отец!

Алехандро с нескрываемой гордостью смотрел на сына, его глаза лучились любовью.

— Кстати о храбрости, — произнес он, когда нянька взяла малыша за руку, чтобы увести, — завтра состоится первая коррида сезона. Я заказал ложу для всей семьи. Будет выступать Диего Торрес.

— О, я видел его в Мадриде позапрошлой весной, — оживился дон Фернандо. — Блестящий тореро!

Элена нахмурилась, ее красивое лицо стало строгим.

— Алехандро, ты же знаешь, что я не одобряю подобные... зрелища.

— Но, дорогая, это наша традиция, — мягко возразил ее муж. — К тому же, это прекрасная возможность показать твоим родным настоящую душу Севильи.

Он снова повернулся к дону Фернандо.

— В прошлый раз Торрес был великолепен. Два быка, два чистых убийства с первого удара. Публика была в экстазе!

— Простите, дон Алехандро, — вмешалась мать, — но лично я ничего привлекательного в подобном варварстве не нахожу.

— Действительно, — поддержала ее Элена. — Образованное общество уже начинает отходить от этих кровавых развлечений.

— А я бы хотела пойти! — неожиданно для себя произнесла Вероника.

Все изумленно уставились на нее.

— Я никогда не видела корриду, — продолжила она, чувствуя, как жар приливает к щекам. — Читала в книгах, но... так хочется увидеть все своими глазами!

Мать неодобрительно покачала головой.

— Это не подходящее зрелище для незамужней девушки, Вероника. Что скажут люди?

— В Севилье все иначе, Консуэла, — вступился дон Фернандо. — Здесь многие дамы из высшего общества посеща-

ют арену. Не так ли, Алехандро?

— Совершенно верно, — подтвердил тот. — Это неотъемлемая часть нашей культуры. В Мадриде даже сама королева присутствует на важных боях.

— И все же, это неподобающе, — не сдавалась донья Консуэла. — Что подумают потенциальные женихи?

— Я тоже считаю, что Веронике не стоит идти, — поддержала Элена. — Коррида слишком... грубое зрелище для молодой девушки.

Вероника ощутила, как внутри закипает досада. Опять решают за нее, словно она еще ребенок!

— Я уже не маленькая, — произнесла она, выпрямляя спину. — И, если папа не возражает, я хочу пойти.

Алехандро с вежливым удивлением посмотрел на нее, затем повернулся к жене:

— Элена, если не хочешь идти, можешь остаться с малышом. Но мне кажется, твоей сестре будет полезно увидеть настоящую Севилью во всей красе.

— Я пойду, — неожиданно заявила Элена. — Не могу допустить, чтобы Вероника отправилась на корриду без сопровождения женщины из семьи. Это было бы... неблагоразумно.

— Но, дорогая, — в легком замешательстве начал Алехандро, — ты ведь говорила, что не одобряешь...

— Да, не одобряю, — отрезала Элена, — но как старшая сестра я обязана присутствовать. — Она метнула вырази-

тельный взгляд на Веронику. — Кто-то должен проследить, чтобы моя сестрица не увлеклась этим зрелищем сверх меры.

Вероника закатила глаза, но промолчала.

— Решено! — дон Фернандо хлопнул в ладоши. — Завтра мы отправляемся на корриду. — Перехватив неодобрительный взгляд супруги, он смягчил тон. — Дорогая, если хочешь, оставайся дома с малышом.

— Так и поступлю, — сухо ответила донья Консуэла.

Вероника не могла сдержать довольной улыбки. Впервые за долгое время ее переполняло не привычное чувство зависти к сестре, а волнующее предвкушение и азарт. Ей хотелось вырваться из тени Элены, увидеть что-то новое, ощутить себя по-настоящему живой.

После ужина Вероника уже собиралась подняться в отведенную ей комнату, но вздрогнула от легкого прикосновения к плечу. Обернувшись, она увидела Элену.

— Пройдемся по саду? — предложила сестра.

Они вышли во внутренний дворик, где апельсиновые деревья наполняли воздух сладким ароматом, а в центре вымощенной мозаикой площадки тихо журчал фонтан.

— Я понимаю твое желание увидеть корриду, — начала Элена, — но будь осторожна с этим увлечением. Севилья живет по иным правилам, чем наш тихий Монтельяно.

— Почему же ты вдруг решила пойти, если это зрелище тебе неприятно? — спросила Вероника напрямик.

Элена остановилась у фонтана, рассеянно пропуская воду сквозь пальцы.

— Я беспокоюсь за тебя, — просто ответила она. — И о том, какое впечатление ты произведешь на общество. Излишнюю восторженность по отношению к корриде могут... превратно истолковать.

Вероника ощутила знакомое раздражение. Это нескончаемое покровительство, этот вечный контроль...

— Я давно выросла, Элена, — сказала она.

— Верно, — согласилась сестра, внимательно глядя ей в глаза. — Ты стала женщиной, и потому должна понимать, как важна репутация. Особенно здесь, в Севилье. — Она помедлила. — И особенно когда дело касается таких мужчин, как Диего Торрес.

— А что с ним не так? — полюбопытствовала Вероника.

— Он слишком знаменит, слишком красив и слишком... опасен, — тихо произнесла Элена. — Говорят, половина девушек Севильи потеряли голову из-за него.

— Я вовсе не собираюсь... — начала Вероника, но Элена остановила ее легким прикосновением к плечу.

— Просто будь благоразумной, — сказала она. — А теперь отдыхай. Завтра нам предстоит... интересный день.

Позже, уединившись в своей комнате, Вероника подошла к высокому зеркалу в резной деревянной раме. В мерцающих отблесках свечей она принялась изучать свое отражение, непривычно пристально вглядываясь в каждую черту.

Одну за другой она вынула шпильки, позволяя каштановым прядям свободно упасть на плечи. Медленными, задумчивыми движениями провела щеткой по волосам — не таким густым и блестящим, как у Элены, а более тонким и прямым.

Приблизившись к зеркалу, она вгляделась в собственные глаза — серые, с затаенной грустью, а не карие, полные жизни и огня. Скользнула взглядом по лицу, невольно сравнивая свою кожу — бледноватую, с россыпью веснушек на носу и щеках — с безупречным золотистым сиянием лица сестры.

Даже ее фигура, хоть и стройная, скорее выглядела угловатой, в сравнении с роскошной женственностью Элены.

— Всегда вторая, никогда первая, — прошептала Вероника отражению, повторяя фразу, что с детства часто звучала в ее голове.

Но сегодня, к собственному изумлению, она не ощутила привычной горечи от этих слов. Вместо знакомой тяжести в груди ее наполнил неожиданный прилив решимости — свежий, бодрящий, как морской бриз.

Завтра начнется новая жизнь. Севилья — большой город, полный возможностей. Не чета их тихому Монтельяно, где все знали их с пеленок, где репутация Элены как несравненной красавицы давно стала неоспоримой, а ей самой отводилась роль блеклой тени сестры.

Она выпрямила спину, как учила Элена, приподняла подбородок. В зеркале отразилась иная Вероника — более уверенная. С некоторым удивлением она заметила, что так ее лицо выглядит изящнее, скулы — выразительнее, шея — длиннее.

— Возможно, я не красавица, — пробормотала она, — но я... — она помедлила, подбирая слово, — я интересная.

Повернувшись к окну, она окинула взглядом ночную Севилью, столь непохожую на сонный Монтельяно с его узкими улочками, белеными домиками и размеренным течением жизни. Здесь все казалось ярче, живее, загадочнее. Завтра она увидит знаменитую корриду, встретит новых людей. Кто знает, что принесет ей этот город, полный страстей и тайн?

«Интересно, каков он, этот Диего Торрес?» — неожиданно для себя подумала Вероника.

В воображении возник отважный тореро в расшитом золотом костюме, с горделивой осанкой стоящий перед разъяренным быком. Вероника даже слегка покраснела от этих фантазий, хотя была совершенно одна.

Той ночью она уснула с улыбкой на губах. Ее сны были полны ярких красок, громких возгласов публики и образа незнакомого тореро, чьего лица она не могла разглядеть, но который почему-то казался ей необыкновенно важным.

2. Ла Маэстранса

Карета медленно продвигалась по запруженным улицам Севильи. Вероника, сидя у окна, не могла оторвать взгляд от зрелища, разворачивающегося перед ней. Бурная людская река текла к одной цели — к арене для боя быков, чьи белоснежные стены с ярко-желтой отделкой сверкали на фоне бездонной синевы весеннего неба.

«Как же это не похоже на Монтельяно», — думала Ве-

роника, сравнивая узкие, сонные улочки родной деревни с этим пульсирующим жизнью городом. В Монтельяно самым примечательным днем было воскресенье, когда жители, нарядившись в лучшие одежды, шли в церковь, а после чинно прогуливались по центральной площади. Здесь же царил настоящий праздник: крики разносчиков смешивались со смехом и обрывками песен, яркие краски сливались в калейдоскоп, а голову кружили запахи цветов, еды и духов.

— Ла Маэстранса, — произнес Алехандро, заметив ее интерес. — Одна из самых старых и знаменитых арен для боя быков в Испании. Ее построили около ста лет назад.

— Она великолепна, — отозвалась Вероника, разглядывая приближающееся здание с безупречными белыми аркадами и терракотовыми крышами.

— Сегодня будет не протолкнуться, — заметил дон Фернандо, наблюдая за толпой. — Похоже, весь город собрался посмотреть на Торреса.

— Он и вправду так хорош, как о нем говорят? — Вероника постаралась придать голосу непринужденности, но все равно ощутила на себе внимательный взгляд сестры.

— Он начал выступать шесть лет назад, — ответил Алехандро, — и его считают самым отважным тореро во всей Андалусии. У него особый стиль — он не просто следует традициям, но и привносит что-то свое. Близко подпускает быка, разворачивается в последний момент... дамы на трибунах замирают от страха.

Элена неодобрительно покачала головой, но промолчала, лишь крепче сжав кружевной веер в руках.

— А откуда он? — продолжила расспросы Вероника. — Из семьи аристократов?

Алехандро рассмеялся.

— Вовсе нет. Сын простого погонщика быков из деревушки в паре часов езды. Говорят, уже с детства показывал удивительную храбрость перед быками. В тринадцать лет начал подрабатывать в ганадерии, помогать при отборе бычков. Там его заметил старый «Эль Капа» — знаменитый матадор. Взял парня под крыло, в свою квадрилью. Торрес четыре года служил бандерильеро, постигал все тонкости ремесла. А потом на одном выступлении «Эль Капа» был ранен, и наш Диего вышел его заменить. Справился блестяще! И в двадцать лет получил альтернативу от своего наставника, прямо здесь, на Маэстрансе.

— «Получил альтернативу»? — повторила Вероника.

— Посвящение в матадоры, — пояснил Алехандро. — С тех пор его слава гремит по всей Андалусии.

— Как романтично! — невольно вырвалось у нее.

— Романтично? — с иронией переспросила Элена. — Рисковать жизнью ради аплодисментов толпы?

— В этом есть своя притягательность, дорогая, — мягко возразил Алехандро. — Человек, поднявшийся из низов благодаря таланту и отваге. Разве не об этом пишут поэты?

— Поэты любят всякое безрассудство, — парировала Эле-

на.

Вероника, скрывая улыбку, отвернулась к окну. Весь этот разговор лишь разжег ее любопытство. Сердце забилось чаще при мысли, что скоро она увидит этого загадочного Диего Торреса.

Карета остановилась, и слуга распахнул дверцу. Алехандро подал руку сначала Элене, помогая ей выйти, затем Веронике. Его ладонь была сухой и теплой, прикосновение — мимолетным, но Веронике показалось, что взгляд, которым он окинул ее новое голубое платье с кружевной отделкой, выражал одобрение.

Она расправила плечи, вспомнив вчерашнее открытие перед зеркалом. «Я интересная», — как заклинание повторила она про себя.

Глазам открылся величественный фасад Маэстрансы. Сквозь широкие арки виднелась разноцветная толпа. Крики продавцов воды и сладостей, смех, возбужденные голоса — наполняли воздух предвкушением чего-то волнующего.

Отец предложил ей руку, и они направились ко входу. Вероника ловила на себе взгляды окружающих и находила в этом неожиданное удовольствие. Здесь, в Севилье, ее никто не знал как «младшую сестру красавицы Элены». Здесь она могла быть просто собой — Вероникой Дуарте, молодой дамой из достойной семьи.

— Приготовься к настоящему испанскому зрелищу, дочка, — дон Фернандо похлопал ее по руке. — Ничто не срав-

нится с хорошей корридой!

Вероника улыбнулась отцу. Впервые за долгое время она ощутила себя по-настоящему живой, и грядущее представление было лишь частью этого ощущения. Ее вдруг охватило пьянящее чувство свободы — свободы от провинциальных сплетен, от вечного сравнения с сестрой, от предопределенной судьбы.

Они поднимались по широким каменным ступеням вслед за элегантно одетым служителем. Вероника с восхищением разглядывала внутреннее убранство Маэстрансы — мраморные колонны, искусные барельефы, старинные гербы. Все дышало историей и традицией.

Ложа дона Алехандро располагалась в привилегированной части арены, защищенной от палящего андалузского солнца. Отсюда открывался отличный вид на песчаный круг внизу, окруженный рядами сидений, которые заполнялись шумной пестрой толпой.

— У нас превосходные места, — с гордостью заметил Алехандро, когда они расположились. — Отсюда видно каждое движение тореро и быка.

Вероника окинула взглядом трибуны. На солнечной стороне сидели простолюдины. Они обмахивались веерами и шляпами, изнывая от жары. В тени устроилась знать — дамы в кружевных мантильях, элегантные кабальеро. Среди них сновали лакеи с подносами, предлагая легкие закуски и лимонад.

— А вон там сидят афисионадо — настоящие знатоки корриды, — дон Фернандо указал на группу серьезных мужчин с блокнотами. — Они помнят каждый выход каждого тореро за последние двадцать лет и могут часами спорить о правильном угле наклона мулеты при развороте перед быком.

Затрубили фанфары, и арена словно вздохнула в едином порыве предвкушения. Коррида началась.

— Сейчас будет парад участников, — шепнул Алехандро, наклонившись к Веронике.

Ворота в дальнем конце арены распахнулись, и на песок вышла процессия в ярких костюмах.

— Смотри, — продолжал зять, — это альгвасили, церемониймейстеры корриды. Их наряды почти не изменились со времен Филиппа II.

Вероника разглядывала двух всадников на вороных лошадях, едущих впереди. Короткие черные плащи и шляпы с пышными красно-желтыми перьями придавали им торжественный вид.

— За ними идут матадоры, — пояснил Алехандро. — Обычно выступают трое: каждый убьет по два быка, всего шесть поединков. Их наряд называется «костюм огней».

И действительно, золотое шитье ослепительно сверкало на солнце, полностью оправдывая это название.

Прежде чем пересечь круг, нарисованный на арене, матадоры на мгновение остановились и каждый поковырял нос-

ком туфли песок.

— Что они делают? — полюбопытствовала Вероника.

— Чертят крест на песке, — пояснил Алехандро. — Перед лицом смерти даже самые отчаянные храбрецы ищут божественной защиты.

Вероника нервно сглотнула. Ее впервые посетила мысль, что эти люди действительно рискуют жизнью. Она поправила мантилью, вдруг ощутив озноб, несмотря на теплый весенний день.

Алехандро протянул ей изящный бинокль в перламутровой оправе.

— Возьми, так будет лучше видно.

— Спасибо. — Она всмотрелась в лица матадоров. — И кто же из них Диего Торрес?

— Справа, в голубом костюме с золотой вышивкой.

Вероника впилась взглядом в правую фигуру. Даже отсюда было заметно, что Диего Торрес выделяется среди других — высокий, статный, с гордой осанкой и особой грацией движений.

— За ними следуют их команды, — продолжал Алехандро. — У каждого матадора своя квадрилья — шесть-семь человек. Видишь вон тех, в костюмах с серебряной вышивкой? Это бандерильеро — они будут втыкать в холку быка украшенные дротики. А вон те, на лошадях — пикадоры. Работают с длинными пиками, чтобы ослабить быка перед финальной схваткой. Заметь, глаза лошадей закрыты шорами

— чтобы они не видели быка и не пугались раньше времени.

— Но почему лошади такие худые? — спросила Вероника, отметив изможденный вид животных.

— Это старые, дешевые клячи, дочка, — вмешался дон Фернандо, качая головой. — Многие не переживут сегодняшний день. Быки часто убивают их во время боя.

— Убивают? — Вероника почувствовала, как по спине пробежал холодок.

— Такова традиция, дочка, — вздохнул отец. — Так было всегда. Иногда пикадор успевает направить лошадь так, чтобы бык промахнулся, но чаще... — он не договорил, но Вероника все поняла.

Теперь, разглядывая процессию, она заметила шрамы на тощих боках лошадей, их выпирающие ребра, понуро склоненные головы, словно животные уже примирились с судьбой. Сердце сжалось, но она сдержала эмоции. В конце концов, это часть традиции, которую все здесь глубоко почитают, включая Алехандро и отца.

— А те люди в красном, кто они? — она указала на последнюю группу участников, ведущих под уздцы упряжку из трех мулов, украшенную яркими лентами и бубенцами.

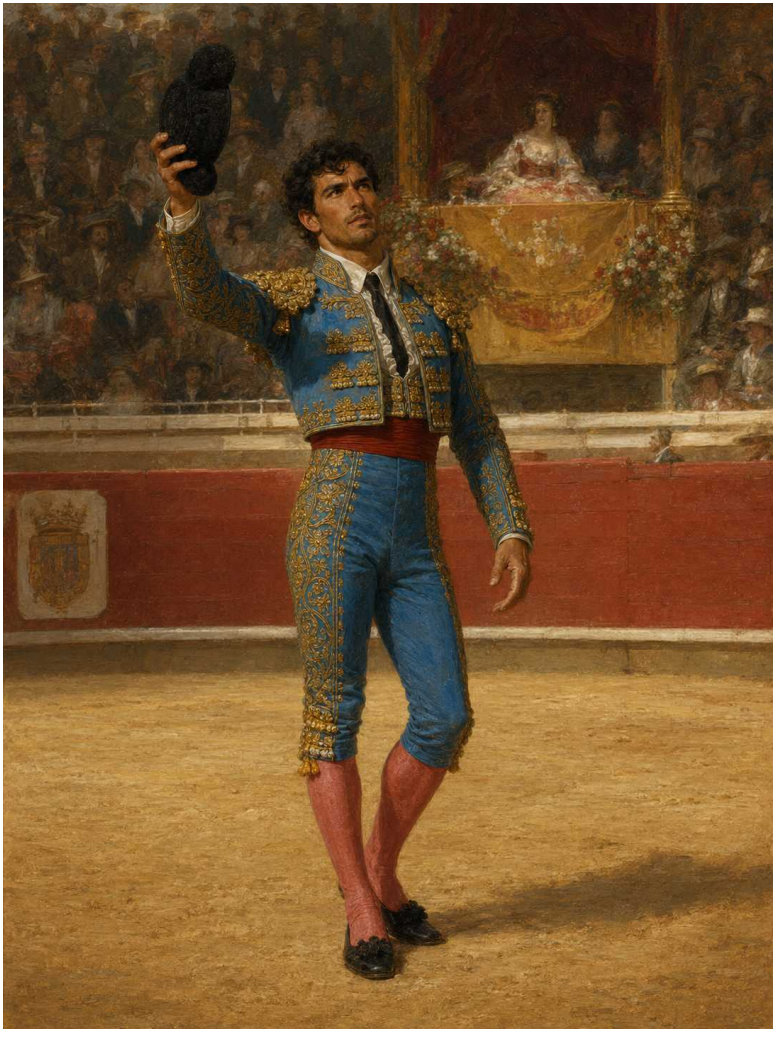
— Это работники арены, — ответил отец. — Они увезут тушу быка после боя. Видишь, какие нарядные сбруи? В этом вся Испания, дочка, — даже в таком практичном деле должна быть красота и торжественность.

Процессия обошла арену под приветствия публики и зву-

ки фанфар. Затем участники выстроились перед ложей, где сидела группа мужчин в строгих костюмах. Тореро сняли свои шапки с «ушками» по бокам и поклонились.

— Президент корриды приветствует их и дает разрешение на начало, — пояснил дон Фернандо, когда человек в центральной ложе взмахнул белым платком.

Наблюдая за происходящим в бинокль, Вероника увидела, как Диего Торрес, снова надев шляпу, поднял голову к трибунам. И вдруг, словно почувствовав на себе ее взгляд, он задержал глаза на их ложе, и его губы тронула едва заметная улыбка.



Вероника тут же опустила бинокль, чувствуя, как щеки заливает румянец, а сердце начинает биться сильней. Смущенная, она украдкой взглянула на сестру, но, к счастью, та была занята разговором с Алехандро.

Участники парада покинули арену, и в воздухе повисла напряженная тишина. Но вскоре вновь заиграли фанфары, ворота загона распахнулись, и на арену вырвался огромный черный бык с мощными рогами. Животное замерло, осматриваясь, шумно фыркая и взрывая копытами песок. Его мускулистое тело подрагивало от возбуждения, а налитые кровью глаза выискивали первого врага.

— Это бык из хозяйства Миуры, — с уважением заметил Алехандро. — Там разводят самых свирепых и умных быков Андалусии.

Тут на песчаный круг выбежали помощники Диего, размахивая ярко-розовыми плащами с желтой подкладкой. Бык моментально среагировал, бросившись на ближайшего. Тот ловко увернулся, пропустив разъяренного зверя мимо себя. Тореро принялись по очереди привлекать внимание быка, дразня его плащами, демонстрируя публике силу и характер животного.

После нескольких минут такой игры помощники отошли к барьеру, и на арену ступил Диего Торрес. Трибуны взорвались приветственными криками. Матадор шел к быку размеренным шагом, с идеально прямой спиной. В каждом его

движении читалось спокойное достоинство.

— Сейчас начнется настоящее искусство, — шепнул Алехандро, и Вероника невольно подалась вперед.

Диего замер перед быком, расправив розовый плащ. Животное пристально смотрело на него несколько долгих секунд, затем с яростным ревом ринулось вперед. В момент, когда столкновение казалось неизбежным, матадор плавно увел плащ в сторону, и бык пронесся буквально в нескольких сантиметрах от него.

— Оле! — прокатилось по трибунам.

Не сдвинувшись с места, Диего развернулся и повторил маневр, когда животное атаковало вновь.

— Оле!

Вероника затаила дыхание. Никогда прежде она не видела такого сочетания смертельной опасности и изящества движений. Каждый жест Диего был отточен до совершенства.

— Видишь, как он держит плащ-капоте перед собой и медленно уводит в сторону, заставляя быка огибать его тело? — произнес Алехандро. — Этот прием называется «верóника». Забавное совпадение с твоим именем, не так ли?

Вероника смущенно улыбнулась. На краю сознания мелькнула странная мысль — вдруг это знак судьбы? Она тут же отогнала эту нелепую идею, но все же...

Руки слегка дрожали, когда она подносила бинокль к глазам, стараясь не упустить ни одного движения матадора. В его власти над огромным разъяренным животным, покоряющимся простому куску ткани, было что-то поистине волшебное.

Диего завершил серию красивым аккордом — в последний момент он резко остановился, и плащ эффектно обер-

нулся вокруг его талии, словно платье танцовщицы фламенко. Бык застыл в недоумении, тяжело дыша всего в нескольких шагах от него.

И тут Диего сделал нечто, от чего у Вероники перехватило дыхание — он спокойно повернулся к животному спиной и неторопливо пошел к краю арены, словно опасности не существовало.

Маэстранса взорвалась рукоплесканиями и восторженными криками. Даже отец обычно сдержанный, аплодировал с нескрываемым восхищением. Вероника поймала себя на том, что тоже хлопает в ладоши, захваченная магией момента и отвагой этого удивительного человека.

Вновь зазвучали фанфары.

— Каждое сражение делится на три терции, — пояснил Алехандро. — Терция пик, терция бандерилий и терция смерти. Сейчас мы увидим терцию пик. Пикадоры на лошадях ослабят шейные мышцы быка, чтобы в финале матадору было легче нанести смертельный удар.

Помедлив, он добавил:

— Для непривычного глаза это может быть довольно... жестоким зрелищем.

Вероника лишь крепче сжала бинокль, решив не отворачиваться, что бы она ни увидела.

На арену медленно выехал пикадор — всадник в широкополой шляпе и защитных кожаных накладках на голенях. Его тощая лошадь, ослепленная шорами, неохотно ступала

по песку. В руке пикадор держал длинное копье с коротким острым наконечником.

Бык заметил нового врага и замер, низко опустив массивную голову. Секунду он изучал странную пару — человека и лошадь — затем, словно приняв решение, мощно оттолкнулся задними ногами и ринулся в атаку.

Когда до столкновения оставались считанные мгновения, пикадор выставил вперед копье, целясь в холку животного. Момент удара слился с глухим ревом быка — наконечник вонзился в мускулистую шею в тот самый миг, когда рога воткнулись в лошадиный бок.

Кровь заструилась по блестящей черной шкуре быка, но это, казалось, лишь придало ему сил. С яростным мычанием он снова атаковал, вздымая тучи песка. Страшные удары рогов распороли брюхо лошади. Та с пронзительным ржанием рухнула на песок, а пикадор едва успел с нее соскочить.

На арене тут же появился Диего Торрес. Он взмахнул ярко-розовым плащом перед мордой быка, и тот, забыв о поверженной лошади, развернулся к новому противнику. Пикадор тем временем доковылял до барьера.

Раненая лошадь билась на песке, и Вероника в ужасе прикрыла рот рукой, видя, как из зияющей раны вываливаются внутренности. Элена рядом с ней была бледной как полотно.

— Какое варварство... — с неподдельным отвращением прошептала сестра.

Вероника уже не была так уверена, что хочет видеть про-

должение, но заставила себя не отводить взгляд. Если Элена может выдержать, то и она сможет.

Пока Диего и его квадрилья отвлекали разъяренного быка, на арену выбежали служители и накрыли издыхающую лошадь куском парусины.

На арену выехал пикадор на новой лошади — такой же изможденной, с выпирающими ребрами, возможно, обреченной на ту же участь. Приблизившись к быку, он нанес удар пикой. По мощной шее животного потекли новые струйки крови, но бык, казалось, стал только злее.

В яростном броске он поддел лошадь рогом под переднюю ногу и даже приподнял ее на мгновение, вырвав у толпы восхищенный вздох. К счастью, рана оказалась не столь ужасающей, как в прошлый раз, и когда помощники отвлекли быка плащами, пикадор развернул клячу и отступил к краю арены.

Теперь бык стоял, тяжело дыша, с низко опущенной головой. Его шея и плечи были покрыты кровью. Гордая осанка сменилась стойкой раненого, но все еще опасного зверя.

— Сейчас начнется терция бандерилий, — пояснил Алехандро, когда снова зазвучали фанфары. — Бандерильеро будут втыкать в загривок быка короткие украшенные копья, которые называются бандерильи.

— Зачем? — спросила Вероника.

— Чтобы разъярить его и заставить еще ниже опустить голову. Так матадору будет проще его убить.

Вероника нахмурилась, испытывая противоречивые чувства — восхищение мастерством и жалость к животному.

Элена откинулась назад и прикрыла глаза, словно пыталась оградить себя от кровавого зрелища.

— Я понимаю, что это важная часть нашей культуры, — тихо сказала она, — но не могу не думать о страданиях быка.

— Дорогая, — мягко ответил Алехандро, накрывая ее руку своей, — это не просто жестокость ради жестокости. Коррида — это искусство, уходящее корнями в древность. В этом поединке матадор рискует не меньше, чем бык.

Тем временем, Диего Торрес, к удивлению публики, подошел к президенту корриды и, получив разрешение, взял с барьера пару украшенных дротиков длиной примерно с руку до плеча.

— Он пытается произвести впечатление, — заметил отец с нотками восхищения в голосе. — Обычно эту работу делают бандерильеро. Матадор берется за бандерильи только если хочет показать высшее мастерство.

Диего вышел на середину арены, подняв бандерильи высоко над головой, словно демонстрируя их быку. Животное стояло неподвижно, тяжело дыша. По его черной шкуре из ран, оставленных пиками, стекали алые струйки.

Матадор гортанным криком подозвал быка, и тот рванулся вперед. В последний момент, когда казалось, что рога вот-вот настигнут его, Диего изогнулся в изящном прыжке, одновременно погружая дротики в холку животного.

Вероника невольно вскрикнула, а затем зааплодировала вместе со всей ареной. Даже Элена, казалось, была поражена этим отчаянным мастерством.

Вернувшись к барьеру, Диего, будто уловив восхищение Вероники, отвесил в сторону их ложи поклон.

На арену вышли другие бандерильеро и, с удивительной ловкостью уворачиваясь от рогов, вонзили в загривок быка еще две пары красочных дротиков. Яркие бандерильи теперь раскачивались на спине животного, постепенно окрашиваясь багровым. Бык мотал головой, тщетно пытаясь избавиться от болезненной помехи.

Снова прозвучали фанфары, и по арене прокатился многоголосый шепот предвкушения. Приняв из рук помощника красный плащ и серебристую шпагу, блеснувшую в лучах заходящего солнца, Диего Торрес направился к президентской ложе.

— Начинается терция смерти, — произнес Алехандро. — Финальный акт этой драмы.

3. Шелк и сталь

— Терция смерти — самая важная часть сражения, — тихо, почти благоговейно произнес Алехандро. — Матадор должен проявить истинное мастерство — не просто убить быка, но сделать это красиво.

Бык, застывший посреди арены, тяжело дышал. Его испятнанная кровью морда была вскинута вверх, бока вздымались от напряжения.

Диего Торрес, словно забыв о присутствии опасного зверя, повернулся к президентской ложе и отвесил глубокий, церемонный поклон. Получив формальное разрешение на продолжение боя — кивок и взмах белым платком — он неожиданно для всех направился к ложе Алехандро.

По рядам пробежал удивленный шепоток.

— Что происходит? — тихо спросила Вероника.

— Он собирается посвятить быка кому-то из нашей ложи, — с нескрываемой гордостью ответил отец.

Вероника не удержалась и навела на Диего бинокль. Теперь она могла разглядеть каждую деталь его лица — смуглую кожу, золотистую в лучах заходящего солнца; чувственные губы, сжатые в напряженную линию и темные, пронзительные глаза.

Он медленно снял свою шляпу с «ушками» по бокам и, прижав к сердцу, произнес:

— Дон Алехандро, с вашего позволения, я осмелюсь посвятить этот бой вашей достопочтенной супруге.

Алехандро важно кивнул, и Диего обратился к Элене. Его голос, звучный и глубокий, казалось, достиг каждого уголка арены, перекрывая гул толпы:

— Сеньора Родригес де Сильва-и-Мендоса, это честь и привилегия для меня посвятить убийство этого благородного быка самой прекрасной даме Севильи. Позвольте мне биться сегодня за вашу красоту и благосклонность!

— Что мне делать? — растерянно прошептала Элена.

— Прими посвящение, — ответил Алехандро. — Это большая честь.

Элена слегка кивнула, сделав веером едва заметный благодарственный жест.

Диего отвесил поклон, после чего непринужденным движением бросил свою шляпу в их ложу. Алехандро ловко поймал ее и с улыбкой передал жене.

Вероника ощутила, как что-то сжалось внутри. Конечно, даже здесь, даже незнакомый тореро выбрал не ее, а сестру. Все как всегда.

— Обрати внимание на его прическу, — шепнул Алехандро, когда Диего развернулся, чтобы уйти.

Наведя бинокль, Вероника увидела, что его вьющиеся черные волосы собраны на затылке в аккуратный пучок.

— Это колета, традиционная косичка матадора. Ее отрезают только в двух случаях: когда матадор уходит из профес-

сии или если опозорил себя на арене.

— Вот как? — произнесла Вероника, опуская бинокль. Она старательно сохраняла невозмутимое выражение лица, хотя все еще ощущала разочарование от того, что красивый жест посвящения достался не ей. — Интересный обычай.

Зазвучали аплодисменты. Бык копнул землю, и арена снова застыла в напряжении.

— В терции смерти матадор использует мулету, — Алехандро указал на кусок красной ткани, натянутой на палку, в руке Диего. — С ее помощью он должен заставить быка опустить голову в нужное положение для финального удара.

Решительным взмахом мулеты Диего привлек внимание быка. Зверь застыл, уставившись на колышущуюся ткань.

— Хей! — выкрикнул матадор.

Бык, низко опустив рога, ринулся вперед. Земля словно дрожала, песок желтым облаком выбивался из-под копыт. В момент, когда смерть, казалось, неизбежной, Диего совершил легкий, почти неуловимый поворот запястья. Мулета скользнула в сторону, увлекая за собой быка. Он промчался в опасной близости от матадора, и публика взорвалась одобрительным: «Оле!»

Диего и бык закружились в смертельном танце. Матадор двигался с удивительной грацией, вкладывая в каждый жест смелость и точный расчет. Он подпускал быка так близко, что казалось, будто рога вот-вот заденут его. Толпа то замирала в тревоге, то разражалась рукоплесканиями и криками

«Оле!».

Солнце играло на золотой вышивке, превращая каждое движение матадора в сверкающую вспышку. Небесно-голубой шелк облегал его стройную, мускулистую фигуру, подчеркивая широкие плечи и узкую талию.

Когда он выгибался, совершая пассы, тесные панталоны так отчетливо обрисовывали крутой изгиб спины и подтянутый зад, что Вероника ощутила, как к лицу приливает жар. Она никогда не видела мужское тело, столь явно очерченное одеждой.

При очередном проходе быка Диего сделал нечто невероятное — когда животное пронеслось мимо, он свободной рукой схватил его за хвост, крутнувшись следом за ним. По трибунам прокатилась волна восторга, а Вероника непроизвольно прижала руки к груди.

— Это очень опасный трюк, — с явным восхищением произнес Алехандро. — Немногие тореро осмеливаются так дразнить быка.

Элена неодобрительно скривила губы, но даже она не могла скрыть интереса к происходящему.

Диего встретил новую атаку разъяренного зверя безупречным пассом — позволив ему пройти так близко, что голубой шелк его костюма обагрился кровью быка. Затем он опустился на одно колено прямо перед животным, расправив мулету над песком. Когда бык бросился на красную ткань, Диего не сдвинулся с места, лишь слегка повернув корпус, пропуская

рога в сантиметрах от своего тела.

— Безумец! — воскликнул кто-то позади.

Но в этом безумии было столько расчета и грации, что Вероника не могла отвести глаз. В какой-то момент Диего, проводя особенно эффектный пасс, повернул голову и их взгляды пересеклись. Его губы тронула дерзкая улыбка — словно все эти опасные трюки он исполнял только для нее.

Веронику бросило в жар. Вспотевшими ладонями она крепче вцепилась в подлокотники кресла, чувствуя, как сердце выпрыгивает из груди.

Затем Диего сделал то, от чего по рядам пронесся изумленный вздох. Медленно покачивая мулетой, он загипнотизировал быка, заставив того замереть. Животное стояло, словно парализованное, тяжело дыша, но не атакуя.

Не отводя от него взгляд, матадор протянул свободную руку и погладил по рогу — почти ласково, как гладят домашнего питомца. Смертоносный, измазанный кровью лошади рог на мгновение оказался в его власти, безобидный и укрощенный.

— Матерь Божья! Я такого не видел даже от самого Кучареса! — пробормотал дон Фернандо.

Секунда невероятной близости человека и зверя разбилась, когда бык, словно очнувшись от транса, яростно мотнул головой. Матадор отпрыгнул за долю мгновения до смертельного удара.

Наконец, наступил момент истины — Диего, выставив шпагу, встал прямо перед быком.

— Сейчас будет эстокада — финальный удар, — пояснил Алехандро. — Самая сложная и опасная часть. Матадор дол-

жен попасть шпагой между лопатками быка в точку, размером с детский кулачок. Промах может стоить ему жизни.

Вероника до боли стиснула подлокотники кресла. Диего и бык застыли друг напротив друга, разделенные лишь несколькими метрами песка и тонкой гранью между жизнью и смертью. Матадор превратился в живую статую — спина идеально прямая, левая рука с алой мулетой опущена к земле, правая со шпагой поднята на уровень подбородка. Клинок, поймав луч солнца, сверкнул холодным огнем.

Диего едва заметно шевельнул мулетой, и бык ринулся вперед. Все произошло за доли секунды. Матадор шагнул навстречу разъяренному зверю, и на мгновение человек и бык будто слились воедино. Затем арену сотряс оглушительный рев толпы.

Вероника не сразу поняла, что произошло, но по всеобщему ликованию догадалась — удар достиг цели. Лишь присмотревшись, она заметила рукоять, торчащую между лопаток быка. Шпага вошла целиком.

Животное пробежало еще несколько шагов, затем покачнулось и рухнуло, подогнув ноги и уронив голову на песок.

Трибуны взорвались аплодисментами. Люди бросали на арену шляпы, сигары, платки. Диего Торрес, стоя в горделивой позе со вскинутой рукой, принимал овации. Не выказав ни тени страха перед свирепым быком, он теперь купался в обожании публики. Вероника вдруг осознала, что именно эта отвага и делала его таким притягательным.

Она заметила, как президент корриды из своей ложи дважды взмахнул белым платком.

— Что это значит? — спросила она у Алехандро.

— Президент присуждает Торресу награду, — с улыбкой ответил тот. — Когда матадор показывает выдающееся мастерство, ему могут дать одно или два уха быка. А уж в совсем редких случаях, когда выступление безупречно во всех отношениях, присуждают два уха и хвост — но такое случается крайне редко. Честно говоря, сегодня Торрес был очень близок к этому.

На арену вышел помощник с ножом. Вероника, испытывая смешанные чувства, наблюдала, как он подошел к быку и отсек сначала одно ухо, затем другое.

— Два уха! — с удовлетворением отметил Алехандро. — Превосходное выступление, хотя в нескольких пассах он был не совсем идеален.

Помощник торжественно вручил трофеи Диего. Матадор поднял их над головой, приветствуя публику. Толпа неистово скандировала: «Дие-го! Дие-го!»

В это время из боковых ворот на арену выбежала тройка мулов, украшенная яркими лентами и колокольчиками. Работники быстро закрепили цепи вокруг рогов поверженного быка. Мулы тронулись, и туша заскользила по песку, оставляя кровавый след.

— Мясо раздадут бедным, — пояснил дон Фернандо. — Ничто не пропадает зря.

Когда упряжка скрылась, началось триумфальное шествие. Диего шел вдоль барьера с королевским достоинством, принимая восторженные крики, летящие с трибун. Женщины бросали к его ногам веера и платки, мужчины — сигары и шляпы. Овации нарастали с каждым его шагом, словно волна.

Бандерильеро, идущие следом, поднимали с песка сигары и рассовывали их по карманам, а шляпы и веера — бросали обратно владельцам.

Когда Диего поравнялся с их ложей, Алехандро, улыбнувшись, взял шляпу, все это время лежавшую на коленях у Элены, и изящным движением бросил ее обратно матадору. Диего ловко поймал свою шляпу и, надев ее, отвесил легкий поклон.

Подняв голову, он встретился глазами но не с Эленой, а с Вероникой. Когда их взгляды пересеклись, она ощутила, как по телу пробежала дрожь.

— Он смотрит на тебя, — удивленно шепнула Элена, наклонившись к ней.

Вероника не ответила, погруженная в этот неожиданный безмолвный диалог. Повинуясь внезапному порыву, она стащила с пальца серебряное колечко с бирюзой и бросила вниз.

Диего поймал кольцо одним ловким движением, поднес к губам в благодарственном жесте, затем спрятал в карман расшитого золотом жилета. Поклонившись, он продолжил свой триумфальный круг.

— Вероника! — воскликнула Элена. — Как ты могла? Это же неприлично!

— Оставь ее, дочка, — неожиданно вступился отец. — В день корриды действуют иные правила. Сегодня дамы вправе выражать восхищение искусством тореро.

Вероника рассеянно кивнула, едва услышав его слова. Ее взгляд все еще следовал за Диего, завершающим круг почета. Она смотрела, как солнце играет на золотом шитье его костюма, как гордо он держит голову, как уверенно ступает по песку.

Лишь когда он скрылся за барьером, она моргнула, словно очнувшись от наваждения, и заставила себя вернуться к происходящему.

— Как правило, на корриде выступают три матадора, — пояснил Алехандро. — Каждый убивает по два быка.

— А другие матадоры так же искусны? — спросила Вероника, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Сегодня выступают Эмилио Санчес и Рикардо Молина, оба опытные тореро с хорошей репутацией. Но Торрес, пожалуй, самый яркий из них.

Когда на арену вышел второй матадор — высокий мужчина с изящными усами и благородной сединой на висках, Вероника принялась внимательно за ним наблюдать. Его техника была безупречна, каждый жест выверен до миллиметра, но во всем этом чувствовался некий автоматизм. Он словно исполнял хорошо заученный, но лишенный вдохновения танец. Публика одобрительно кивала, признавая мастерство, но редко взрывалась восторгом или замирала от напряжения.

Третий матадор, совсем юный, с нервной улыбкой, явно уступал предшественникам в отваге. Когда бык бросался на него, он всегда отступал на полшага дальше необходимого, иногда отпрыгивая. Искушенная публика реагировала сдержанно — там, где после пассов Диего раздавались восторженное «Оле!», теперь слышались лишь вежливые аплодис-

менты.

Афисионадо в первых рядах неодобрительно качали головами, когда юноша в очередной раз избегал тесного сближения с быком. На солнечной стороне арены даже раздавались свистки.

Хоть оба матадора и действовали умело, им не хватало той магии, что наполняла каждое движение Торреса. Один был слишком техничен, другой — излишне осторожен. Впрочем, подумала Вероника, возможно, ей так показалось лишь потому, что она увидела выступление Торреса первым, и оно произвело на нее самое сильное впечатление.

Наконец фанфары вновь возвестили о выходе Диего. На этот раз ему пришлось сражаться со свирепым пепельно-серым быком. И, наблюдая за боем, Вероника поняла, что ее суждение было верным. В стиле Торреса действительно ощущалась какая-то естественная грация, слияние подлинной страсти и отточенного мастерства.

Он не просто выполнял приемы — он вел с быком безмолвный диалог, то драматичный, то почти нежный. Но больше всего поражала его отвага — он подпускал быка ближе других, замирал перед атакующим животным на мгновение дольше, чем казалось возможным, каждый раз заставляя публику затаить дыхание.

— Он абсолютно бесстрашен, — пробормотал дон Фернандо. — Такое увидишь нечасто.

Диего завершил второе выступление столь же блестяще,

как и первое, снова заслужив два уха и бурные овации.

— Теперь, если публика по-настоящему довольна, его вынесут с арены на плечах через главные ворота, — объяснил Алехандро. — Высшая честь для тореро.

И действительно, несколько молодых людей перепрыгнули через барьер и подняли Диего на плечи. Матадор, все еще сжимая в руке трофейные уши, триумфально приветствовал ликующую публику.

Процессия двинулась к главным воротам арены. Когда они проходили под ложей дона Алехандро, Диего снова поднял голову. Его взгляд был устремлен прямо на Веронику. Их глаза встретились, и ее охватило странное ощущение — словно среди тысяч зрителей он видел только ее. К ее изумлению, матадор достал из жилета брошенное ею серебряное кольцо и на миг поднес его к губам.

— Вот пройдоха! — возмутилась Элена. — Посвятил быка мне, а сейчас...

— Возможно, он просто выражает признательность всей нашей ложе, — дипломатично произнес Алехандро.

Но Вероника знала, что это не так. Каким-то необъяснимым образом этот легендарный тореро заметил именно ее, Веронику Дуарте — скромную провинциалку, всегда стоявшую в тени блистательной сестры. И это осознание заставило ее сердце биться сильней.

— Осталось еще два выступления, — сказал отец, взглянув на часы. — Но, признаться, после Торреса другие мата-

доры вряд смогут чем-то удивить.

— Да, — согласился Алехандро. — Главная звезда уже блеснула.

Как он и предсказывал, следующие два поединка не вызвали особого восторга. Вероника окончательно убедилась, что матадорам недоставало грации и отваги Диего Торреса. Молодой тореро даже с нескольких ударов не сумел поразить быка, и животное пришлось добивать, что вызвало неодобрительный свист и ропот знатоков.

— Теперь Торреса будут чествовать, — сказал Алехандро, когда они направлялись к выходу после окончания корриды. — В таверне «Эль Ринконсильо» соберутся все афисионадо. Будут тосты, песни, разбор каждого пасса. А завтра его имя появится во всех газетах.

— Я никогда не видела ничего подобного, — призналась Вероника, все еще под впечатлением от зрелища. — Это так... страшно и прекрасно одновременно.

— Именно так, дочка, — кивнул дон Фернандо с удовлетворением глядя на нее. — Для меня коррида всегда была воплощением самой Испании — страстной, опасной, прекрасной. Я рад, что ты это увидела.

Вероника промолчала. В ее мыслях все еще стоял темноглазый матадор, который в момент триумфа нашел взглядом именно ее. Она знала, что никогда не забудет этот день. И что-то подсказывало — это их не последняя встреча.

Когда семейство возвращалось домой, в карете все еще

витало возбуждение от увиденного. Дон Фернандо и Алехандро увлеченно обсуждали технику матадоров, особенности разных быков и решения президента корриды.

— И все же я не понимаю, почему мы так превозносим это жестокое зрелище, — неожиданно вмешалась Элена. — Травить несчастное животное, а потом, когда оно измучено и ослаблено, убивать его на потеху толпе... Разве это достойно цивилизованного общества?

Алехандро повернулся к жене и мягко улыбнулся:

— У этих быков была лучшая участь, чем просто быть забитыми на скотобойне, дорогая. Им дали шанс достойно сразиться с человеком и даже убить его. Ведь быки убивают тореро не так уж и редко.

Дон Фернандо прочистил горло и добавил:

— Знаешь, дочка, во всем этом есть какое-то лицемерие. Мы спокойно едим говядину и не задумываемся о судьбе тех быков, что умирают на бойнях. А когда животное погибает с честью, на арене, до последнего защищая свою жизнь, мы вдруг начинаем сокрушаться о жестокости.

Элена нахмурила брови, и Вероника заметила, как на лице сестры отразилась внутренняя борьба. Что-то новенькое для всегда уверенной в своей правоте Элены.

— Возможно, в этом есть доля истины, — наконец протянула она, и тут же добавила, правда без прежней убежденности в голосе: — Но все равно мне это кажется варварством.

Вероника вдруг осознала — возможно, впервые Элена

не смогла одержать верх в споре, не нашла, что возразить. Мысль об этой маленькой победе принесла неожиданное удовлетворение.

Она перевела взгляд в окно кареты, где проплывали улицы вечерней Севильи, залитые светом фонарей. Когда они проезжали мимо ярко освещенной таверны «Эль Ринконсильо», она невольно подалась вперед, пытаясь разглядеть сквозь окна празднующую толпу. Там, среди поклонников и друзей, находился он — человек, который заметил ее, когда все остальные видели только ее сестру.

В этот момент Вероника поняла, что Севилья действительно изменит ее жизнь. И эти перемены уже начались.

4. Триумф и тени

Таверна «Эль Ринконсильо» гудела как растревоженный улей. Дым от сигар клубился под низким потолком, смешиваясь с запахами пота, вина и дешевых духов. Звон стаканов, тосты и громкий смех сливались в единую симфонию победы. В центре этого праздника жизни восседал Диего Торрес, герой дня, покоритель арены Маэстранса.

— За нашего матадора! — прогремел Мануэль, его верный пикадор, поднимая бокал хереса. — За человека, который танцует со смертью лучше, чем большинство из нас танцует фламенко!

Квадрилья Диего расположилась за большим столом в углу таверны. Кроме усатого здоровяка Мануэля, здесь были бандерильеро: язвительный цыган Рамон и немногословный Хавьер. Рядом сидел Пепе, молодой помощник, смотревший на Диего восторженными глазами.

Все подняли бокалы, и янтарный херес заискрился в свете масляных ламп. Диего пригубил вино, наслаждаясь его терпким вкусом и миндальным послевкусием. Празднуя победу, он сегодня не экономил — на столе стояло лучшее, что мог предложить хозяин «Эль Ринконсильо».

На коленях Диего устроилась Лола — черноволосая красавица с пышными формами, работающая в таверне. Ее пальцы играли с пуговицами его рубашки, пока он, откинув-

шись на стуле, с удовольствием принимал похвалы.

— Видел бы ты рожу того толстяка из Мадрида, когда ты схватил быка за хвост! — смеялся Рамон. — Думал, его прямо там хватит удар!

— А я до сих пор не могу забыть, как этот дьявол убил мою лошадь, — мрачно заметил Мануэль, потирая ушибленное бедро. — Хорошо хоть сам успел отскочить.

Диего усмехнулся, но его мысли блуждали далеко. Перед глазами стояли сестры из ложи — не только роскошная аристократка, которой он посвятил бой, но и вторая — скром-

ная девушка в белой мантилье и голубом платье. Обе по-своему привлекли его внимание.

— О чем задумался, красавчик? — прошептала ему на ухо Лола. — О своих поклонницах из высшего общества?

— О деньгах, что получу за сегодняшний бой, — солгал Диего, поцеловав ее в шею. — И о том, как потрачу их на тебя.

Лола скептически хмыкнула, но ее пальцы продолжили свою игру.

Рамон, прищурившись, произнес:

— Знаешь, Диего, я иногда думаю — а ведь нам достается самая тяжелая работа. Мы злим быка, рискуем жизнью, втыкаем палки, чтобы пустить ему кровь. А потом появляешься ты — весь в золоте и шелках — и закалываешь уже ослабленную скотину. И чем же это отличается от работы мясника? — Он сделал драматическую паузу. — Но вся слава достается тебе.

— Если это работа мясника, Рамон, — усмехнулся Диего, — почему же ты сам не стал матадором? Боишься запачкать кровью штанишки?

Его слова потонули в дружном хохоте.

— Потому что я не сумасшедший! — воскликнул Рамон, поднимая бокал. — За нашего сумасшедшего! За лучшего матадора Андалусии!

— За Диего! — подхватили остальные.

Когда все выпили, Хавьер, обычно молчаливый, неожи-

данно заговорил:

— Ты был хорош сегодня, Диего. Даже старики признали, что не видели такой чистой работы со времен Франсиско Монтеса.

— А тот момент, когда маэстро схватил быка за рога! — воскликнул Пепе. — Я думал, дамы в ложе попадают в обморок!

— Кстати, о дамах, — хмыкнул Рамон. — Кто та красотка, которой ты посвятил бой?

— Если не ошибаюсь, — вставил Мануэль, — это супруга дона Алехандро де Сильва-и-Мендоса. Самого богатого человека в Севилье после герцога и маркиза.

— Она самая, — кивнул Диего.

— И зачем тебе это? — нахмурился Хавьер. — Ты же знаешь этих аристократов. Сегодня аплодируют на арене, а завтра не узнают на улице.

Диего с деланным безразличием пожал плечами.

— Просто представление, друзья мои. Игра на публику.

Лола на его коленях напряглась, явно почуяв фальшь.

— Только не говори, что положил глаз на эту надменную сеньору, Диего Торрес. Такие, как она, смотрят на нас, как на забавных зверушек.

— А я и есть забавная зверушка, — усмехнулся Диего, крепче обнимая ее за талию. — Опасный бык в человеческом обличье.

Таверна снова взорвалась хохотом. Кто-то взял гитару, и

вскоре зазвучали первые аккорды фламенко.

В разгар веселья на пороге возник незнакомец. Долговязый лакей в ливрее с гербом мялся в дверях, словно боясь испачкать туфли, и брезгливо морщил нос. Наконец, набравшись храбрости, он двинулся к их столу.

Разговоры стихли. Музыка оборвалась. Лола соскользнула с колен Диего и встала рядом, жестом собственницы положив руку ему на плечо.

— Сеньор Торрес? — произнес лакей таким тоном, будто сомневался в праве Диего носить обращение «сеньор».

— Я Торрес, — Диего выпрямился, но не встал. — Что вам нужно?

— Приглашение от его сиятельства маркиза де Вальдеса, — слуга церемонно протянул конверт и сухо добавил: — В субботу, в восемь вечера маркиз устраивает прием, и будет рад видеть вас среди гостей.

— Передайте маркизу мою благодарность, — с показным равнодушием бросил Диего. — Я подумаю.

Он заметил, как дернулась щека лакея. «Думать» о приглашении маркиза! Но слуга лишь поклонился с холодной учтивостью и торопливо, будто спасаясь из логова бандитов, ретировался.

Едва дверь закрылась, таверна взорвалась голосами.

— Вот это да! — присвистнул Пепе. — Приглашение от самого маркиза!

— Ты теперь птица высокого полета, матадор, — Рамон

отвесил шутливый поклон. — Глядишь, скоро и нас перестанешь узнавать.

— Я слыхал, на приемах маркиза собирается вся севильская знать, — задумчиво произнес Мануэль. — Даже герцог Альба, говорят, бывает.

— И самые красивые женщины Андалусии, — подмигнул Рамон.

Лола фыркнула и отошла к стойке, всем своим видом выражая недовольство.

— Да ладно вам, — отмахнулся Диего. — Я для них всего лишь развлечение. Диковинка, которую можно показать гостям.

— Но ты пойдешь, — из уст Хавьера это прозвучало как утверждение, а не вопрос.

— Конечно пойду, — пожал плечами Диего. — Какой дурак откажется от такого приглашения?

— Как вы думаете, маэстро, — полюбопытствовал Пепе, — та самая дама, которой вы бросили монтеру, тоже там будет?

Рамон толкнул Мануэля локтем:

— Видал, как она на него смотрела? Глаз не сводила!

— Еще бы, — Мануэль выпятил грудь и подкрутил усы изображая прожженного ловеласа. — Разве сердце севильской красавицы устоит перед героем арены?

— Только осторожнее, друг, — в голосе Хавьера проскользнули серьезные нотки. — Говорят, ее муж не из тех,

с кем стоит шутить.

— Ай, бросьте! — Пепе возбужденно подался вперед. — Маэстро, вы ведь не просто так посвятили ей бой? Признавайтесь, положили глаз на прекрасную донью?

Диего загадочно улыбнулся, но промолчал.

— Сдается мне, эта крепость так легко не падет, — ухмыльнулся Рамон.

— Тогда, за крепости, которые еще предстоит завоевать! — Мануэль поднял бокал.

— И за быков, которых еще предстоит убить! — подхватил Хавьер.

Лола вернулась с кувшином вина, демонстративно плеснула в бокал Диего и шепнула ему на ухо:

— Не обожгись, играя с огнем, матадор.

Диего лишь рассмеялся и осушил бокал одним глотком. Горячая кровь струилась по жилам, в груди разливался приятный жар — смесь хмеля, гордости и азарта. Знакомое ощущение, такое же, как на арене. Предвкушение победы и острый привкус опасности на языке.

Таверна уже не вмещала всех желающих. Поклонники все прибывали — крестьяне, ремесленники, торговцы. Каждый стремился поднять бокал с героем дня, похлопать его по плечу, рассказать, как восхищенно следил за выступлением.

Афисионадо, дымя сигарами, окружили Диего тесным кольцом, расточая восторженные похвалы его веронике и одновременно давая непрошеные советы, как изящнее выпол-

нять натураль.

— За великого Диего! — раздавалось то из одного, то из другого угла.

— За нового Франсиско Монтеса!

Вино лилось рекой. Диего щедро всем наливал, бросая монеты на стойку с размахом человека, которому сегодня море по колено. Лола ревниво поглядывала на него, особенно когда молодые севильянки слишком долго задерживались у их стола.

Квадрилья покинула таверну глубокой ночью. Пьяные и довольные, друзья вышли на улицу, где их встретил прохладный ветерок.

— В «Корал дель Рей»! — провозгласил Рамон, указывая направление. — Проводим нашего короля до его дворца!

Гостиница «Корал дель Рей» была излюбленным пристанищем Диего в Севилье. Старинный особняк в еврейском квартале с патио, где даже в самый жаркий день сохранялась прохлада.

Диего всегда снимал там лучшую комнату, когда выступал в городе. Хозяин гостиницы держал ее свободной для знаменитого постояльца. Юный Пепе тоже жил здесь — в маленькой каморке под лестницей, чтобы всегда быть на подхвате у своего кумира.

Диего шел в обнимку с Лолой, время от времени склоняясь к ее шее и вдыхая сладковатый аромат дешевых духов. По дороге друзья горланили песни — народные купле-

ты, переделанные в его честь. Жители окрестных домов распахивали окна — кто-то с руганью, а кто-то с приветствиями, узнав знаменитого матадора.

— Тише, тише, — смеялся Диего. — Разбудим всю Севилью!

— Пусть просыпается! — выкрикнул Пепе, самый молодой и пьяный. — Пусть знает, кто лучший матадор Андалусии!

После особенно громкого куплета откуда-то сверху выплеснули содержимое ночного горшка, но, к счастью, ни на кого не попали. Друзья расхохотались и, выкрикивая оскорбления, поспешили свернуть в переулок.

Наконец они добрались до «Корал дель Рей». Дремавший за конторкой хозяин встрепенулся, когда они шумно ввалились внутрь.

— Бутылку вашего лучшего хереса, Мигель, — Диего бросил на стойку горсть монет.

Хозяин почтительно склонил голову и достал запыленную бутылку.

— Поздравляю с победой, сеньор Торрес.

Распрощавшись с квадрильей, Диего увлек Лолу по лестнице наверх. Комната встретила их прохладой и полумраком. Лунный свет, проникающий сквозь распахнутое окно, серебрил очертания резной кровати под балдахином, ростового зеркала и стоек, на которых поблескивали золотым шитьем «костюмы огней». Откуда-то издалека доносились зву-

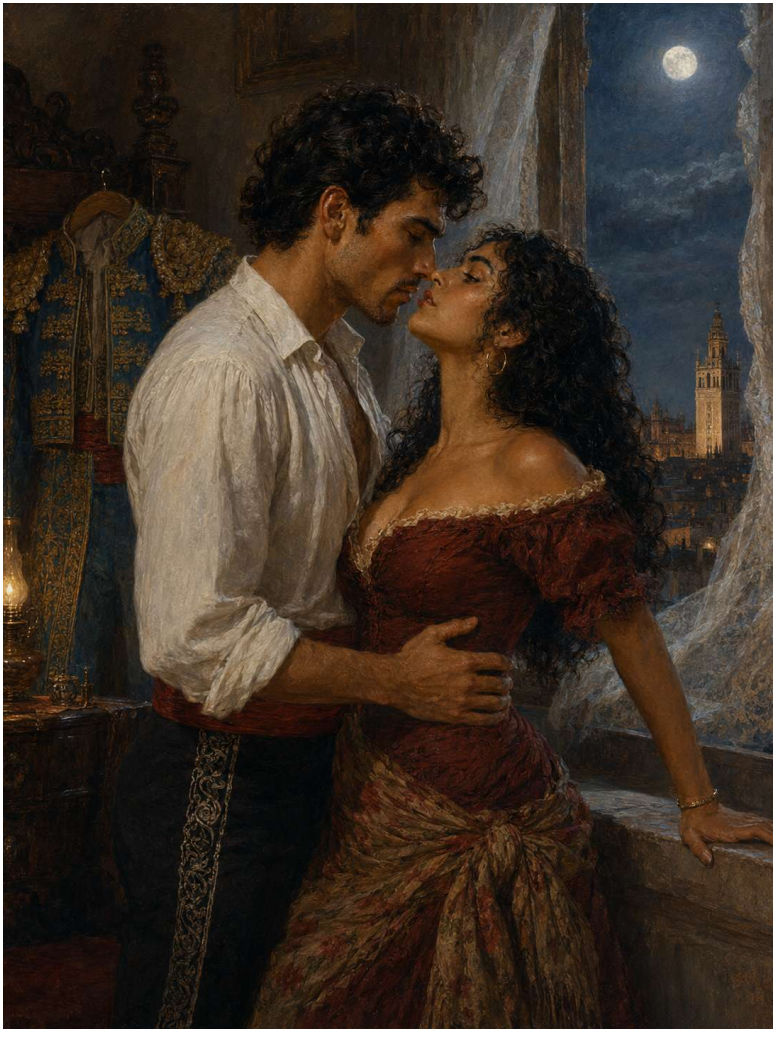
ки гитары — ночь в Севилье только начиналась.

Кровь бурлила в жилах Диего. Возбуждение от сегодняшнего триумфа, от предстоящего приема у маркиза, от мыслей о сестрах Дуарте — все смешалось в пьянящий коктейль.

Лола стояла у окна, обрамленная лунным светом, который подчеркивал изгибы ее тела даже сквозь платье. Она медленно повернулась к нему, и в ее глазах Диего увидел отражение своего собственного голода.

— Иди ко мне, матадор, — прошептала она.

Он приблизился одним плавным движением, как на арене, и обхватил ее талию. Его ладони скользнули вверх, ощущая жар кожи сквозь тонкую ткань. Лола запрокинула голову, подставляя шею его жадным губам. Ее дыхание сбилось, когда его пальцы нашли и принялись распутывать шнуровку лифа.



— О чем ты думаешь? — прошептала она.

— О самой страстной женщине Севильи, — от возбуждения его голос стал хриплым, а руки уже забрались ей под юбки. — О женщине, которая сейчас сведет меня с ума.

Он резко подхватил ее, и она обвила его талию ногами, тесно прижимаясь к нему. Они рухнули на постель, не размыкая объятий. Платье Лолы полетело на пол, за ним рубашка Диего.

В лунном свете ее обнаженное тело сияло как мрамор. Игра теней подчеркивала каждый изгиб. Диего замер на мгновение, любуясь совершенными линиями ее бедер, тонкой талией, полной грудью с темными ореолами сосков. Тело настоящей андалузской танцовщицы, созданное для страсти.

Лола потянулась к нему, ее глаза потемнели до черноты.

— Я вся твоя, — прошептала она, расстегивая пуговицы его брюк. — Возьми свой приз, тореро.

Диего накрыл ее собой, и их тела встретились в жарком соприкосновении. Лола выгнулась ему навстречу, ее ногти впились ему в спину, оставляя обжигающие следы. Он целовал ее шею, ключицы, грудь, наслаждаясь солоноватым вкусом разгоряченной кожи.

Когда он вошел в нее, Лола обвила его ногами, впуская глубже, принимая его целиком. Воздух вокруг словно сгустился, наполнился запахом пота и страсти. Ее стоны смешивались с его хриплым дыханием. Они двигались в едином

ритме, яростном и опасном, как танец матадора с быком.

Но даже в эти мгновения под закрытыми веками вспыхивали образы сестер.

Элена. Царственная осанка. Холодная красота. Недоступная. Но Диего никогда не отступал перед вызовом. Рано или поздно эта крепость падет.

И другая... младшая. Вероника. Простушка на первый взгляд. Но все же было в ней что-то В ее хрупкой фигурке, в том, как она бросила ему кольцо. Такая искренность освежает.

— Диего, — выдохнула Лола, явно заметив его отстраненность. — Ты здесь?

— Я весь твой, — солгал он, возвращаясь в реальность.

Он перевернул ее и вошел сзади, зарываясь пальцами в копну черных волос. Лола прогнулась, принимая новый ритм. Сильными руками матадора Диего держал ее бедра, задавая темп и любуясь видом ее выгнутой, блестящей от испарины спины.

Их движения ускорялись, дыхание становилось все глубже. Волна наслаждения нарастала, пока не обрушилась на обоих оглушающим валом удовольствия. Они рухнули на постель, обессиленные и удовлетворенные, тяжело дыша.

Лола прижалась к нему и замерла. Диего чувствовал, как постепенно замедляется сердце. Прохладный ночной воздух из окна освежал его разгоряченное тело, занавески колыхались, отбрасывая в лунном свете причудливую тень.

— Ты был не со мной, — тихо произнесла Лола, водя пальцем по шраму на его груди. — Кто она?

Диего молчал, машинально поглаживая изгиб ее плеча. Его взгляд скользнул в угол, где на стойке поблескивал расшитый золотом костюм. Там, в кармане жилета, лежало серебряное кольцо с бирюзой.

В этот момент он отчетливо осознал, что переступил некую черту. Сегодня на арене началась новая коррида — не с быком, а с судьбой. Он выйдет победителем... или погибнет, как погибают быки на песке Маэстрансы — от эстокады в самое сердце.

5. Сады, сплетни и приглашения

Вероника открыла глаза и несколько мгновений смотрела в потолок, пытаясь понять, где находится. Роскошная комната в доме сестры была так непохожа на ее скромную спальню в Монтельяно. Шелковые простыни, резная мебель из красного дерева, зеркало в позолоченной раме — все это по-прежнему казалось чужим.

Воспоминания нахлынули неожиданно ярко. Коррида, красочные костюмы, крики толпы. И главное — его взгляд. Смуглое лицо Диего Торреса, озаренное триумфом, когда он посмотрел прямо на нее, а не на Элену.

«Боже, неужели я действительно бросила ему кольцо?» — Вероника поднесла руку к глазам. На безымянном пальце бледнела полоска от единственного украшения, которым она дорожила — серебряного колечка с бирюзой, подаренного отцом на шестнадцатилетие. Что подумал папа, увидев, как легко она рассталась с его подарком?

И все же, вспоминая как Диего поймал кольцо и прижал к губам, Вероника не могла заставить себя сожалеть о своем порыве.

В дверь постучали.

— Сеньорита Вероника, можно войти? — послышался голос Марии, горничной, приставленной к ней в доме Алехандро.

— Да, входи, — ответила Вероника, приподнимаясь на подушках.

Горничная вошла с подносом, на котором дымилась чашка горячего шоколада рядом со свежими булочками.

— Доброе утро, сеньорита. Донья Элена сказала, что вы, должно быть, утомились после вчерашней корриды, и попросила дать вам поспать подольше.

Вероника с удивлением взглянула на часы — было уже почти десять, хотя обычно она вставала на рассвете.

— Спасибо, Мария. А где все?

— Дон Алехандро и ваш папенька укатили по делам и вернутся только к вечеру, — ответила горничная, доставая из шкафа утреннее платье. — А донья Элена с вашей маменькой завтракают внизу, в малой столовой. После полудня собираются прокатиться в сады вместе с малышом Карлосом.

Пока Мария помогала ей одеться, Вероника заметила, что горничную так и распирает о чем-то поговорить.

— Что-то случилось? — спросила она, поймав в зеркале ее взгляд.

— Ох, сеньорита, — лукаво улыбнулась Мария, — весь город только и говорит о вчерашней корриде! Нынче утром в булочной только и слышно было про этого Диего Торреса. А какая гульба была вечером в «Эль Ринконсильо»! И представляете, говорят, сам маркиз де Вальдес прислал ему приглашение на субботний прием!

Сердце забилось быстрее. Субботний прием у маркиза?

Тот самый, на который приглашена их семья? Вероника вспомнила, как вчера за ужином Алехандро упоминал об этом событии. Неужели там будет Диего?

— На субботний прием? — переспросила она, стараясь сохранить безразличный тон.

— Да, сеньорита, — кивнула Мария, расправляя на ней складки платья. — Маркиз-то, говорят, страсть какой любитель корриды! Вечно знаменитых тореро к себе зазывает.

— Очень интересно, — с деланным равнодушием протянула Вероника. — И что же еще рассказывают о сеньоре Торресе?

— Ой, много всего! — оживилась служанка. — Весь рынок только и судачит о том, как он шляпу донье Элене бросил, а потом в конце боя кто-то из вашей ложи... — она вдруг осеклась, широко распахнув глаза, и торопливо добавила: — Ох, да что это я! Вам бы лучше послушать, как он с этим цыганом, бандерильеро своим, подрался вчера! До крови, представляете?

Вероника почувствовала, как жар заливает щеки. Она опустилась на стул перед туалетным столиком, делая вид, будто выбирает шпильки для прически, и лихорадочно соображала, что ответить. Неужели весь город знает о ее безрассудном поступке? От этой мысли у нее перехватило дыхание.

— Какая... занимательная история, — проговорила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И что же между ними случилось?

Мария с явным облегчением ухватилась за возможность сменить тему.

— Говорят, вчера в «Эль Ринконсильо» сеньор Торрес и этот цыган, Рамон, чуть друг друга не поубивали? Сперва, говорят, словесная перепалка вышла. Рамон, вишь ты, обиделся, что всю славу себе матадор забирает, а ведь это он быка утомляет своими бандерильями! Слово за слово, и давай они кулаками махать! Столы перевернули, посуду перебили — четверо мужчин их разнимали! У Торреса, сказывают, глаз подбитый, а у цыгана губа рассечена и рубаха в клочья! А потом, представляете, выпили по стаканчику мансанильи и обнялись, как братья родные! Полночи потом песни пели, будто ничего и не было! Вот она, горячая кровь тореро!

Вероника нахмурилась. Эта история совсем не вязалась с тем гордым и собранным человеком, которого она видела на арене. Неужели матадоры действительно такие дикие и необузданные в обычной жизни? Хотя... возможно, Мария и приукрашивает. Служанки вечно преувеличивают сплетни.

— А еще... — Мария понизила голос, — вчера-то он, сказывают, в гостиницу свою явился с двумя женщинами сразу! Одна вроде как в «Эль Ринконсильо» прислуживает, а другая — оперная певица из Мадрида! Обеих под руки вел, а они хихикали и висли на нем как виноградные лозы.

Неожиданный укол ревности пронзил сердце, но Вероника тут же одернула себя: до похождений Торреса ей не должно быть никакого дела. Разумеется, человек его положения

и славы пользуется успехом у женщин.

— И все на этом? — она придала голосу скучающий тон.

— Что вы, сеньорита, он ныне первейший матадор во всей Севилье! — восторженно затараторила Мария, закрепляя последнюю прядь в прическе. — Только, сказывают, в знатных домах на него косо поглядывают. Вот моя двоюродная сестрица у Монтеверде служит, так она такое рассказывала... — Мария внезапно осеклась, видно, вспомнив, что находится не среди рыночных сплетниц. — Ой, простите, сеньорита, язык-то мой без костей!

— Нет уж, договаривай, — велела Вероника. — Что там твоя сестрица рассказывала?

Мария помедлила, но соблазн поделиться слухами оказался сильнее.

— Дак вот, дон Антонио де Монтеверде, племянник маркиза-то, сказывают, этого самого Торреса всюду с собой таскает, в благородные дома вводит. А уж там... дамочки-то знатные так и вьются вокруг него, уж вы понимаете, к чему я. — Мария многозначительно вскинула брови. — Только вам, сеньорита, не след такие байки слушать.

Вероника кивнула, понимая, что дальнейшие расспросы могут выдать ее неуместный интерес к матадору. Слова Марии о «знатных дамочках» оставили в душе неприятный осадок. Но все же что-то подсказывало ей, что настоящий Диего Торрес, возможно, гораздо сложнее, чем его представляют городские сплетни.

— Вот, теперь вы готовы, — Мария отступила на шаг, чтобы полюбоваться результатом. — Донья Консуэла будет довольна.

Вероника посмотрела на себя в зеркало. На ней было скромное платье приглушенного голубого цвета, которое, как ей всегда казалось, лишь подчеркивало ее бледность и незаметность рядом с яркой красотой Элены. Но сегодня, вспоминая взгляд матадора, она увидела в зеркале нечто новое — девушку, которую заметили среди толпы, которую выделили из сотен других.

— Сеньорита, вы сегодня по-особенному красивы, — неожиданно сказала Мария.

Вероника улыбнулась, впервые за долгое время ощущая странную уверенность.

— Спасибо, Мария. Думаю, пора спуститься к матери и сестре.

Прежде, чем покинуть комнату, она на мгновение остановилась у окна, глядя на залитую солнцем Севилью. Где-то там, в лабиринте улиц, был сейчас Диего Торрес. Что он подумает, когда увидит ее на приеме — ту, что осмелилась бросить ему кольцо?

***

Сады Алькасара казались райским уголком, где время замедляло свой бег. Цветущие апельсиновые деревья наполняли воздух сладким нектаром, а журчащие фонтаны разбрасывали серебристые брызги, сверкающие в солнечных лучах.

Донья Консуэла шествовала с горделивой осанкой, придерживая подол черного платья. Кружевная мантилья, закрепленная высоким гребнем, превращала ее силуэт в строгий монумент материнского авторитета.

Элена, как всегда безупречная в кремовом наряде с лиловыми вставками, держала над головой зонтик, оберегающий ее нежную кожу от солнечных лучей. Рядом с сестрой Вероника чувствовала себя невзрачной в своем скромном голубом платье, хотя Мария и украсила ее прическу бутонами жасмина.

Чуть в стороне шла нянька Долорес, держа за руку маленького Карлоса. Мальчик то и дело пытался вырваться, чтобы погнаться за голубями или дотронуться до ярких цветов. Его темные кудряшки подпрыгивали в такт шагам, а любопытные глаза жадно впитывали все вокруг.

Иногда Долорес склонялась, чтобы отряхнуть пыль с его бархатного костюмчика или не дать малышу сорваться с места при виде очередной диковинки.

— Какой чудесный день, — промолвила донья Консуэла, обращаясь к Элене. — Вчерашний вечер был столь же прекрасен. Жаль, что тебе пришлось потратить время на эту ужасную корриду.

Элена кивнула.

— До сих пор не могу этого забыть. Бедное животное, загнанное и истекающее кровью, а вокруг него скачут эти... эти...

— Бандерильеро, — подсказала Вероника.

— Как бы их ни называли, это варварство, — отрезала сестра. — Не понимаю, как это можно считать искусством. Убийство для развлечения, вот что это такое!

— Но ведь это больше, чем просто убийство, — решилась возразить Вероника. — Это часть нашей истории, нашей культуры. Разве ты не видела, какую отвагу проявил Диего Торрес, когда...

— Диего Торрес! — фыркнула донья Консуэла, резко поворачиваясь к ней. — С каких пор ты называешь матадоров по имени, Вероника?

Краска залила щеки, и Вероника смущенно пробормотала:

— Я... я просто повторяю то, что говорил дон Алехандро, мама.

Элена бросила на нее изучающий взгляд.

— Сеньор Торрес действительно продемонстрировал определенное мастерство, — сухо сказала она. — Но все равно, я считаю, что потакание жестокости вредно для общества. В Англии, например, такие представления запрещены.

— И правильно, — буркнула мать. — Коррида — не место для воспитанных молодых девушек. Особенно тех, — она многозначительно посмотрела на Веронику, — кто надеется найти приличного жениха, а не заработать репутацию девицы с сомнительными пристрастиями.

Вероника до боли стиснула веер. Значит, восхищаться ма-

стерством и отвагой — это «сомнительные пристрастия»? Разве Диего Торрес не был героем арены, которому аплодировали сотни людей, включая самых знатных сеньоров? Но она промолчала, лишь гордо выпрямив спину, хотя внутри все кипело от возмущения.

Позади послышался недовольный детский вопль.

— Я устал! Не хочу больше ходить! — капризно заявил маленький Карлос, вырывая руку из пальцев Долорес и топая ножкой.

— Сеньоры, — с виноватой улыбкой произнесла нянька, — малыш Карлос утомился от прогулки. Может быть, присядем в тени? Он мог бы отдохнуть и перекусить.

Они устроились на скамье под сенью апельсиновых деревьев. Долорес достала из корзинки салфетку и мешочек с засахаренными фруктами. Карлос моментально перестал хныкать и потянулся к сладостям.

— Только один кусочек, Карлитос, — сказала Элена, с нежностью глядя на сына. — Не хочу, чтобы ты испортил аппетит перед обедом.

Пока мать и сестра занимались ребенком, Вероника позволила своим мыслям вернуться к корриде. Он содрогнулась, представив, что сказала бы мать, узнай она о кольце, брошенном матадору. К счастью, никто из домашних не осмелился рассказать ей об этом безрассудном поступке.

Карлос с восторгом жевал сладости, откинувшись на колени Долорес. Его личико, только что искаженное капризом,

теперь сияло от удовольствия.

— Элена, милая, — донья Консуэла понизила голос, нервно поправляя мантилью, — ты уверена, что мы не будем выглядеть... провинциалами на этом приеме? В Монтельяно нас считают уважаемой семьей, но здесь, в Севилье, среди старинных родов...

Элена ласково похлопала мать по руке.

— Не беспокойся, мама. Как членам семьи Алехандро перед нами открыты любые двери. Его род имеет безупречную репутацию. Тебе нужно только держаться с достоинством, как ты всегда делаешь, и никто не посмеет косо взглянуть в твою сторону.

— А что надеть? — в голосе матери слышалась настоящая тревога. — Мое бордовое платье с кружевами слишком строго для весеннего приема? А может, зеленое будет уместнее?

— Бордовое в самый раз, — успокоила ее Элена. — С твоей фигурой и осанкой ты затмишь многих молодых дам.

Вероника невольно заметила, что Долорес явно прислушивается к разговору. Делая вид, что вытирает лицо Карлосу, она так напряженно подалась вперед, точно боялась пропустить хоть слово.

— Вы очень внимательно слушаете, Долорес, — сказала Вероника. — Интересуетесь светскими приемами?

Нянька вздрогнула, словно ее застали врасплох.

— Простите, сеньорита, — быстро ответила она, опуская глаза. — Я просто забочусь о малыше.

«Странная она какая-то», — подумала Вероника, но дальше расспрашивать не стала.

Ее внимание привлекла группа элегантных мужчин, прогуливающихся по центральной аллее. Один из них, молодой человек в сюртуке цвета топленого молока, заметил их компанию и расплылся в улыбке.

— Донья Элена! Какая чудесная встреча, — приближаясь, воскликнул он. — Дон Алехандро говорил, что ваши родственники гостят у вас, но не предупредил, что севильские сады украсятся присутствием столь очаровательной семьи.

— Дон Хоакин, — сдержанно улыбнулась Элена. — Позвольте представить вам мою мать, донью Консуэлу Дуарте, и мою сестру Веронику.

Молодой человек поклонился, но его взгляд едва скользнул по Веронике, тут же возвращаясь к Элене. Пока он представлял своих спутников, Вероника наблюдала знакомую картину — мужчины, как обычно, были зачарованы красотой ее сестры. Один перебивал другого, стараясь привлечь внимание Элены, сообщая новости и расточая комплименты.

Раньше в таких ситуациях Вероника чувствовала себя невидимкой, почти физически ощущая, как становится прозрачной в глазах окружающих. Но сегодня что-то изменилось. Внутри нее звучал тихий, но уверенный голос: «Зато Диего Торрес смотрел на меня».

Эта мысль наполнила ее странным спокойствием. Она вспомнила, как на арене матадор, овеянный любовью толпы, выбрал взглядом именно ее, скромную Веронику Дуарте, а не блистательную Элену. Это воспоминание согревало ее, как маленькое солнце, спрятанное в груди.

— Вероника, дорогая, — нарочито слащавый голос матери вернул ее в реальность. — Дон Хоакин интересуется, будем ли мы на приеме у маркиза де Вальдеса.

Вероника подняла глаза на молодого человека. Тонкие черты лица, безупречно выбритые щеки и холодный оценивающий взгляд напомнили ей фамильные портреты в доме Алехандро — такое же выражение превосходства и утонченной скуки.

— Непременно, — ответила она. — Я с нетерпением жду субботнего вечера.

И это была чистая правда, хотя причины ее предвкушения имели мало общего с теми, о которых могла подумать мать.

Солнце отразилось в водах фонтана, и Веронике на мгновение почудилось, что в сверкающих брызгах мелькнула фигура в золотом «костюме огней».

***

К тому времени, когда экипаж остановился у входа особняка, тени начали удлиняться, а воздух наполнился вечерней прохладой. Вероника заметила, что Алехандро и отец уже вернулись — конюх как раз уводил их лошадей в сторону конюшни.

В холле их встретил сам хозяин дома. Он нежно обнял Элену, галантно поцеловал руку донье Консуэле и Веронике и ласково потрепал по щеке маленького Карлоса, мирно дремавшего на руках Долорес.

Нянька унесла малыша наверх, а остальные прошли в го-

стиную. Дон Фернандо приветливо поднялся с кресла, держа в руке наполовину опустевший бокал.

— А, вот и вы! — с добродушной улыбкой воскликнул он.

— Как прошла прогулка, дорогие мои? — поинтересовался Алехандро, когда все разместились.

— Сады Алькасара восхитительны в это время года, — ответила Элена. — Представь, мы встретили дона Хоакина де Сантильяна и его друзей. Они тоже будут на приеме у маркиза.

Алехандро кивнул.

— Это будет один из самых блестящих приемов сезона. Маркиз пригласил весь цвет севильского общества.

— И не только, — с неодобрением вставила донья Консуэла. — Дон Хоакин обмолвился, что там будут присутствовать и некоторые... деятели искусств.

Вероника затаила дыхание, внимательно прислушиваясь к разговору. Сердце учащенно забилось, когда Алехандро ответил:

— Да, маркиз славится своей эклектичной компанией. На его приемах можно встретить и знатных грандов, и известных художников, и даже... — он бросил быстрый взгляд на Веронику, — знаменитых тореро.

— Тореро! — с неприкрытым возмущением воскликнула мать. — Что за странная мода пошла приглашать подобных людей в приличное общество!

— А что в этом дурного, дорогая? — неожиданно вме-

шался дон Фернандо, отрываясь от своего бокала. — Диего Торрес, например, проявил вчера настоящее мастерство. Я бы с удовольствием побеседовал с ним о его технике.

— Полагаю, вы сможете это сделать, — усмехнулся Алехандро. — Маркиз — большой поклонник корриды, а его племянник как раз покровительствует Торресу. Матадор наверняка будет среди гостей.

При упоминании Диего щеки Вероники залил румянец, и она поспешно опустила взгляд, опасаясь выдать волнение. К счастью донья Консуэла была всецело поглощена своим негодованием.

— Надеюсь, нам не придется поддерживать разговор с подобными людьми, — проворчала она.

— Ну почему же? — мягко возразил дон Фернандо. — Мне было бы интересно обсудить с сеньором Торресом некоторые вопросы, например, касательно разведения боевых быков…

— Фернандо! — возмутилась донья Консуэла. — В твоем возрасте пора оставить эти мальчишеские увлечения корридой! Мы здесь для того, чтобы найти подходящую партию для Вероники, а не для того, чтобы ты обсуждал быков с какими-то... артистами!

— Разумеется, никто не будет принуждать вас к общению, — дипломатично заметил Алехандро. — Маркиз тонко чувствует общество и никогда не допустит неловких ситуаций. Впрочем, — с улыбкой добавил он, — давайте думать о бо-

лее приятных вещах. Мне известно, что среди гостей будет немало достойных молодых кабальеро.

Донья Консуэла тут же повернулась к Веронике.

— Это отличная возможность для тебя, дочь моя! — воодушевленно заметила она. — В субботу ты должна выглядеть сногсшибательно.

— Я помогу Веро подготовиться, — предложила Элена. — У меня есть несколько платьев, которые ей подойдут.

Мать энергично кивнула и начала расспрашивать Алехандро о потенциальных женихах:

— …граф де Агилар, говорите? Тот самый, чье поместье граничит с владениями герцога?.. Дон Леонардо Морено?.. А дон Хоакин, который сегодня был так учтив с нами в садах?.. Какая прекрасная партия!

Вероника слушала вполуха, представляя совсем другую встречу. Неужели она действительно снова увидит Диего Торреса? Эта мысль одновременно и пугала, и будоражила ее.

После ужина, когда все разошлись по своим комнатам, Элена зашла к Веронике. Присев на край кровати, она заговорила наставительным тоном:

— Постарайся держаться естественно, но с достоинством. Не говори слишком много — легкая загадочность всегда привлекает мужчин. Если кто-то пригласит тебя на танец, соглашайся с улыбкой, но не выказывай чрезмерного восторга.

Вероника кивала, но ее мысли блуждали далеко. Элена

вдруг замолчала и внимательно посмотрела на нее.

— Веро, я вижу, тебя что-то беспокоит. Это не связано со... вчерашней корридой?

Вероника вздрогнула, но постаралась сохранить невозмутимый вид.

— Что ты, вовсе нет. Просто немного волнуюсь перед таким важным приемом.

Элена изучала ее лицо еще несколько мгновений, словно пытаясь прочесть ее мысли, затем кивнула.

— Хорошо. Отдыхай. Завтра у нас много дел.

Когда дверь за Эленой закрылась, Вероника подошла к зеркалу. Она долго и пристально всматривалась в свое отражение, словно впервые видела себя. Глаза неопределенного зеленовато-серого цвета, блеклые брови, россыпь веснушек на носу и щеках — так непохоже на безупречную красоту Элены. И все же... что-то было в ее лице. Какой-то свет, пробивающийся изнутри, словно луч солнца сквозь облака. Свет, который она прежде не замечала.

— Добрый вечер, дон Леонардо, — произнесла она, обращаясь к своему отражению. — Да, я впервые на приеме у маркиза. Севилья прекрасна в это время года.

Она поморщилась — фразы звучали фальшиво, заученно. Затем попробовала представить, что перед ней стоит не безликий дон Леонардо, а Диего Торрес.

— Я видела вашу корриду, сеньор Торрес, — тихо сказала она, и ее голос изменился, стал глубже, искреннее. — Это

было... великолепно.

Она умолкла, удивленная тем, как преобразилось ее лицо от одной лишь мысли о матадоре. Куда исчезла скованность, постоянное ощущение собственной неполноценности рядом с сестрой?

«Быть может, — подумала Вероника, забираясь в постель, — я всегда искала одобрения не тех людей. Возможно, мне нужно было увидеть себя в глазах кого-то совершенно другого?»

Свеча на прикроватном столике отбрасывала причудливые тени на потолок. Вероника смежила веки, и перед ней возникла картина предстоящего приема — зал, полный людей, музыка, отблески свечей... и где-то там, среди всех этих гостей — смуглое лицо матадора и его глаза, ищущие ее в толпе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.